

УДК 1.17

ПРОБЛЕМА НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ТЕОРИЙ РЕЛЯТИВИСТСКОГО ТИПА

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проекты № 10-06-00039-а, № 12-06-00078-а), РГНФ (проект №11-03-00039-а), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

Ладов Всеволод Адольфович,
*профессор кафедры онтологии, теории познания
и социальной философии, доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Томск, Российская Федерация
ladov@yandex.ru*

В статье обсуждается проблема недоопределенности семантической информации теорий релятивистского типа в современной философии коммуникации. Утверждается, что тезис о радикальной информативной недоопределенности языковых выражений, который выдвигают современные релятивистские теории, ставит под сомнение возможность истинностной оценки предложений самих этих теорий. Поиск решения данной проблемы представляется одной из наиболее актуальных задач для теорий релятивистского типа в современной философии коммуникации.

Ключевые слова: семантическая информация; значение; референт; язык; недоопределенность.

THE PROBLEM OF UNDERDETERMINACY OF SEMANTIC INFORMATION IN RELATIVISTIC THEORIES

Ladov Vsevolod Adolfovich,
*professor, National research Tomsk state university,
Tomsk, Russian Federation
ladov@yandex.ru*

The problem of underdeterminacy of semantic information in relativistic theories is discussed in the article. It is asserted that the thesis about radical informative underdeterminacy of linguistic expressions does not give an opportunity to estimate whether these theories are true or not. The author emphasizes that search of solution of the problem is one of the most important tasks for relativistic theories in contemporary philosophy of communication.

Key words: semantic information; meaning; reference; language; underdeterminacy.

В контексте данного исследования под семантической информацией будет пониматься смысл языкового выражения в том виде, в каком это понятие представлено в трехчленной семантической концепции Г. Фреге [1]. Информативную функцию смысла Фреге демонстрирует на следующем примере. Предположим, что a и b – имена одного и того же предмета в мире. Как в таком случае объяснить тот факт, что мы различаем выражения $a = a$ и $a = b$? Выражение $a = a$ является тавтологией и не содержит в себе никакой информации, кроме утверждения тождества предмета самому себе. Выражение $a = b$ явно отлично от предыдущего. Оно призвано к тому, чтобы нести новую информацию о предмете мира. Причем, если бы различие между выражениями сводилось только к различию между знаками, то $a = b$ также было бы не информативно. Здесь роль бы играл только способ обозначения, зависимый от произвольно применяемой системы знаков. Следовательно, делает вывод Фреге, информативная новизна $a = b$ состоит в том, что это выражение указывает новый способ понимания предмета, новый способ его данности мышлению. Предмет a может быть понят в качестве b . Этот способ понимания предмета задает, по Фреге, не знак как таковой, а специфический медиальный элемент в познании – смысл.

В традиции англоязычной аналитической философии фрегевский термин ‘Sinn’ (смысл) принято переводить как ‘meaning’ (значение), а то, что Фреге обозначал как ‘Bedeutung’ (значение), чаще всего переводят как ‘reference’ (референт). Поскольку дальнейшее изложение материала потребует обращения в первую очередь к англоязычной аналитической традиции, мы будем опираться на англоязычную терминологию и обозначать элементы фрегевской трехчленной семантики следующим образом: знак – значение – референт.

Значение языкового выражения несет в себе информацию о том, на какую референциальную область данное выражение распространяется. Значение определяет круг тех предметов, которые являются референтами языкового выражения. Информативность значения заключается в фиксации набора существенных признаков тех предметов, которые будут рассматриваться в качестве референтов того или иного выражения языка.

Определенные комплексы языковых выражений образуют предложения, которым может быть дана истинностная оценка. Предложение ассерторического дискурса может быть оценено как истинное или ложное. Истинность или ложность предложения с точки зрения классической корреспондентской теории истины бу-

дет зависеть от того, соответствует ли способ связи референтов языковых выражений, представленный в предложении, способу связи предметов в реальности. Предложение будет истинным, если оно утверждает наличие в реальности такого факта, понятого как способ связи предметов (референтов), который там действительно обнаруживается. Предложение «Книга лежит на столе» будет истинным в том случае, если в реальности обнаруживается данный факт – книга лежит на столе.

Очевидно, что возможность истинностной оценки предложения будет зависеть от точности содержащейся в нем семантической информации. Если однозначно определены значения входящих в предложение языковых выражений, значит четко очерчен тот круг референтов, к которым данные языковые выражения отсылают. Если четко очерчен круг референтов, значит ясно, о каком именно факте говорится в предложении. Если ясно о каком именно факте говорится в предложении, значит данное предложение можно оценить как истинное или ложное, сопоставив то, что в нем утверждается, с наличием или отсутствием данного факта в реальности. Чтобы решить, является ли предложение «Книга лежит на столе» истинным, еще прежде сопоставления его с реальностью мы должны определиться, на какие именно предметы (явления, действия) указывают входящие в него языковые выражения. Мы должны знать значения слов ‘книга’, ‘лежать’, ‘на’, ‘стол’. Если же значения являются недостаточно проясненными, то неопределенной оказывается и референциальная область языковых выражений. Мы не вполне понимаем, на что именно указывают данные выражения языка. Если мы не понимаем, на какие предметы указывают выражения, входящие в предложение, то мы не понимаем и того, существование какого именно факта утверждается в данном предложении. В таком случае произвести истинностную оценку предложения просто не представляется возможным, ибо мы не знаем, с каким именно фактом реальности следует соотнести то, что в этом предложении утверждается. Если значения слов в предложении «Книга лежит на столе» не определены однозначно, то данное предложение не является ни истинным, ни ложным. Определить его истинностное значение невозможно.

Доминирующее положение во второй половине XX – начале XXI вв. занимают теории релятивистского типа. Тезисы об отсутствии единого основания познания, о границах человеческого разума, об обусловленности науки и философии латентными

культурно-историческими предпосылками, о локальности и гетерогенности опыта, о поликультурности мира – визитная карточка всей современной философии.

В аналитической традиции ведущую роль в распространении подобного стиля мышления сыграла философия языка позднего Л. Витгенштейна [2], в рамках которой была сформулирована так называемая проблема следования правилу. Витгенштейн трактует значение языкового выражения как правило, которое задает его употребление в конкретных случаях лингвистической практики. В идеале значение должно содержать информацию о том, с какими именно референтами следует связывать языковое выражение в любой ситуации, т.е. при его неограниченном употреблении. Проблема следования правилу ставит под сомнение формирование такого рода значений.

Как мы выяснили выше, опираясь на фрегевскую семантическую концепцию, фиксация значения должна быть первична по отношению к фиксации референта. Именно принятие во внимание той семантической информации, которая содержится в значении, позволяет однозначно связать языковое выражение с определенной референциальной областью. Однако Витгенштейн обращает внимание, что формирование самого значения оказывается зависимым от конкретных лингвистических практик употребления языкового выражения, в которых данное выражение использовалось для указания на конкретные предметы, фиксируя их в качестве своих референтов. Поскольку конкретные лингвистические практики словоупотребления конечны, постольку конечным оказывается и набор связей языкового выражения с конкретными референтами. Таким образом, формирование значения выражения имеет индуктивный характер. Наполнение языкового выражения семантической информацией, во-первых, происходит постепенно, и во-вторых, оказывается всегда ограниченным конкретным конечным числом лингвистических практик связи данного выражения с конкретными предметами мира. Отсюда следует тезис о принципиальной недоопределенности семантической информации, которая содержится в значении языкового выражения. Мы не располагаем такими семантическими ресурсами в качестве значений, которые позволяли бы нам однозначно связывать языковое выражение с определенной референциальной областью в бесконечных случаях его употребления.

Проиллюстрируем приведенное выше рассуждение на следующем примере. В предложении «Книга лежит на столе» значение слова ‘стол’ определялось индуктивно, по мере накопления инфор-

мации о конкретных случаях связи данного слова с определенными предметами. Допустим, что в результате этого индуктивного опыта значение слова 'стол' раскрывается в следующей дефиниции: плоская горизонтальная поверхность, закрепленная на опорах, высотой примерно вполовину человеческого роста, предназначение которой состоит в создании надлежащего комфорта при приеме пищи. Из такой дефиниции следует, что человек, употребляющий слово 'стол' в данном значении, всегда имел дело только с обеденным столом. В таком случае предложение «Книга лежит на столе» будет для него ясным только тогда, когда книга будет лежать именно на обеденном столе. Увидев книгу, скажем, на столярном столе, данный агент речи либо откажется описывать этот факт мира предложением «Книга лежит на столе», либо же признает, что то значение слова 'стол', которое он мыслил ранее, является явно неполным и требует дальнейшего доопределения. Подобная же ситуация возникнет, например, и в том случае, если данный человек окажется в Японии, знакомясь с традициями и бытом людей этой страны. Вначале он откажется именовать 'столом' предмет, который является центральным во время трапезы в японской семье, ибо он не будет соответствовать одному из существенных признаков, зафиксированных в знакомом ему значении данного слова (признак высоты предмета), но затем он может согласиться с тем, что, скорее, мыслимое им значение слова 'стол' было недостаточно полным по объему информации и теперь нуждается в доопределении.

Здесь можно было бы высказать возражение, что на определенном уровне фиксация значения языковых выражений, входящих в предложение, а значит и истинностная оценка самого предложения, все же могут быть строгими и однозначными. Скажем, если в предложении «Книга лежит на столе» под словом 'стол' подразумевается именно обеденный стол в русской семье и никакой более, то в таком случае агент речи однозначно понимает, с какой именно референциальной областью данное слово связывается. Следовательно, он сможет и оценить обсуждаемое предложение как истинное в том случае, если перед ним книга лежит на обеденном столе.

Однако несложно заметить, что на самом деле процесс уточнения значения выражения 'обеденный стол' также будет уходить в бесконечность. Допустим, человек на завтрак всегда ел овсянку и под обеденным столом понимал предмет, на котором появляется тарелка овсянки по утрам. Можно ли будет связать с данным предметом выражение 'обеденный стол' в том случае, если вдруг

на нем появится тарелка с омлетом? Если на это парировать тем, что мы определяем значение выражения 'обеденный стол' через дефиницию: предмет, предназначение которого состоит в создании надлежащего комфорта при приеме пищи, без спецификации конкретных видов продуктов, то на это, следуя витгенштейновской логике, можно ответить, что прояснение значения слова 'пища' для агента речи все же будет зависеть от указания на те конкретные виды продуктов, которые он использовал в конкретных ситуациях, т.е. значение и этого слова само окажется недоопределенным.

Результатом подобного рода рассуждений выступает релятивистский тезис о том, что мы не имеем в своем распоряжении вообще никаких твердо установленных знаний. Этого никто из адептов витгенштейновской мысли и не отрицает. Вместе с тем утверждается, что оригинальность витгенштейновского подхода состояла в особом способе решения данной эпистемологической проблемы [3]. Он предложил радикально переосмыслить сам способ функционирования языка. С точки зрения Витгенштейна язык никогда и не был предназначен для того, чтобы обозначать вещи, т.е. четкая фиксация референциальной области языковых выражений посредством полностью определенных значений никогда и не выступала регулятивной идеей правильного использования языка. Скорее, функция языка состоит в обеспечении intersubjectивной коммуникации при осуществлении совместной деятельности, которая, как оказывается, вполне может обойтись и без строгой референции к вещам, задаваемой посредством значений языковых выражений.

Таким образом, релятивизм в философии языка позднего Л. Витгенштейна приобретает крайне радикальную форму. Здесь не просто констатируется наличие эпистемологической проблемы получения знания о реальности, но и утверждается, что мы должны устранить саму идею необходимого знания в качестве регулятивной для нашего процесса коммуникации и использования языка.

Подобного рода концептуальные разработки, распространенные в современной философии, можно считать последовательными и даже оригинальными (как в случае с витгенштейновским решением проблемы следования правилу) до тех пор, пока не ставится вопрос о статусе и истинностной оценке предложений самих этих теорий. Если же такой вопрос поставить, то мы увидим, что они сталкиваются с затруднением логико-эпистемологического характера, которое крайне сложно разрешить.

Теоретическое построение, в котором утверждается тезис о ра-

дикальной недоопределенности семантической информации языковых выражений, само должно быть представлено в предложениях языка. Пусть основной тезис данной теории будет сформулирован в следующем предложении: «Значение любого языкового выражения является недоопределенным». В соответствии с изложенными выше аргументами мы можем вынести истинностную оценку данному предложению в том случае, если нам известно, к каким именно фактам реальности оно отсылает. Для того, чтобы это выяснить, мы должны четко очертить референциальную область каждого из языковых выражений, входящих в предложение. Это, в свою очередь, можно сделать только тогда, когда полностью определены значения языковых выражений. Если же значения всех языковых выражений объявляются недоопределенными, то соответственно неясной будет и область их референтов. Следовательно, и истинностная оценка предложений языка, состоящих из выражений с радикально недоопределенными значениями, будет невозможной, ибо неясно, к каким именно фактам реальности они отсылают.

Предложение «Значения любых языковых выражений являются недоопределенными» призвано отсылать к факту реальности. В данном случае к определенному сегменту реальности – языку. Однако, на какой именно факт оно указывает, исходя из логики рассуждения представленной выше концепции, неясно. В таком случае предложению «Значения любых языковых выражений являются недоопределенными» просто не представляется возможным дать истинностную оценку. Оно не является ни истинным, ни ложным, и если воспользоваться терминологией логического позитивизма [4], то можно сказать, что оно просто бессмысленно, поскольку не задана процедура его верификации.

Думается, что разрешение указанного выше концептуального затруднения должно стать наиболее актуальной задачей для теорий релятивистского типа, если они претендуют на то, чтобы быть логически последовательными и эпистемологически обоснованными.

Библиографический список

1. *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – С. 25 – 49.
2. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
3. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: Канон+, 2010.
4. *Айер А.* Язык, истина и логика. – М.: Канон+, 2010.